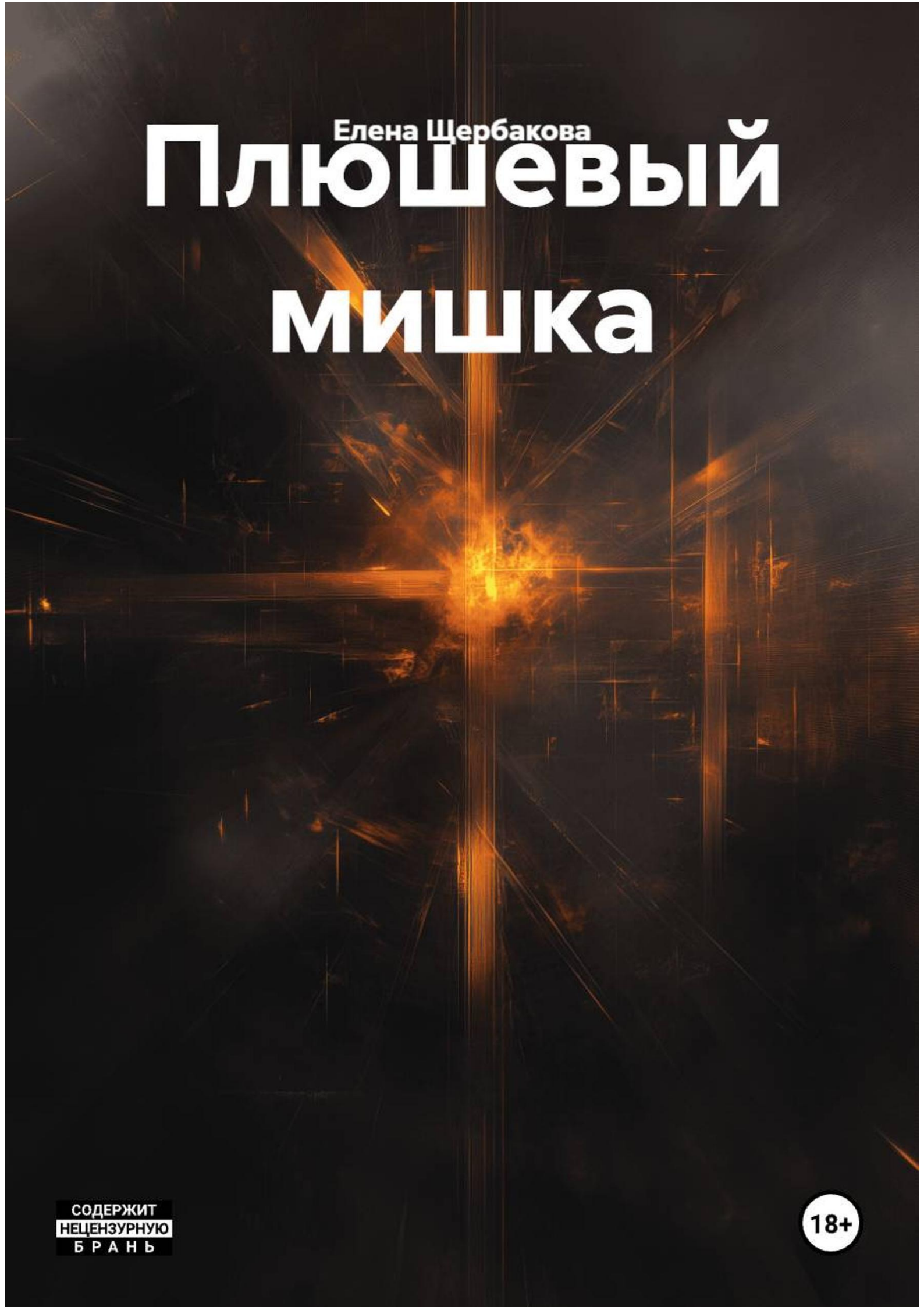
Елена Щербакова
Плюшевый мишка
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Елена Щербакова

Плюшевый мишка

«Автор»
2026

Щербакова Е.

Плюшевый мишка / Е. Щербакова — «Автор», 2026

В душной тишине большой квартиры плюшевый мишка с кривым ухом и пуговицей вместо глаза продолжает молчать. Он знает то, чего не знают окружающие: детство никогда не отпускает. Оно въедается под кожу, прорастает корнями в самые тёмные уголки души и однажды требует выхода.Катя — обычная женщина с серой работой, больной матерью и аккуратно сложенным одиночеством. Для нее убийство становится не преступлением, а освобождением. И чем глубже она погружается в эту тёплую, тяжёлую жажду, тем яснее понимает: плюшевый мишка из детства всё это время ждал, когда она наконец перестанет притворяться человеком.История о том, как детские раны превращаются во взрослые инстинкты, а тихая женщина — в хищника, который уже не хочет возвращаться обратно.ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: текст содержит сцены убийства, насилия и сексуального характера.

© Щербакова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Начало 5
Глава 2 Утро. Убийство 11
Глава 3 Следующее дни 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Елена Щербакова
Плюшевый мишка

Глава 1 Начало

Когда человек осознанно ищет одиночество, он смотрит внутрь себя так долго и так глубоко, что может разглядеть в себе целую Вселенную, со всеми её чёрными дырами, остывшими звёздами и холодной, бесконечной тишиной. Именно поэтому одинокие люди в большинстве своём — цельные, независимые личности с чуть грустными глазами.

Долго стояла у воды, глядя в мутную поверхность канала и не замечая никого вокруг, пока чужая рука не дёрнула за плечо. Ветер гнал по воде мелкую рябь и обрывки пожелтевших листьев. Вынырнула из своих мыслей только тогда, когда уже пришлось понимать, чего от неё хотят.

— Слышь, ты нормальная? Чего уставилась-то? — сказал ей мужчина неопределённого возраста и вида, словно размытое пятно на серой мостовой. От него тянуло табаком и сыростью. — Говорю тебе, а ты даже не отвечаешь!

— Что тебе надо? — процедила сквозь зубы.

Мужчина окинул её взглядом, задержался на побелевших костяшках пальцев, вцепившихся в перила, и брезгливо бросил:

— Да уже ничего.

Развернулся и ушёл.

Стояла, провожая его взглядом, с лёгким разочарованием. В эти минуты хотелось выплеснуть всю злость и отчаяние ему в спину: закричать, толкнуть, сделать хоть что-нибудь. Сглотнула, пытаясь запихнуть боль глубже — так же, как во время приступа тошноты, когда ком подкатывает к самому горлу.

Ещё минут пять простояла, уставившись в пустоту, прежде чем тихо пойти к ближайшей остановке — на трамвай до больницы. Трамвай пришёл полупустой и дребезжащий. Села у окна и всю дорогу провожала глазами косые капли, ползущие по стеклу.

По больничному коридору шла уже привычным маршрутом. Пахло хлоркой, варёной капустой и ещё чем-то сладковатым, о чём не хотелось думать. Уже знала: держаться ближе к окнам, а не к дверям палат; улыбаться медсёстрам и не обижаться, если они не ответят тем же или вовсе не заметят. В руках — пакет с продуктами: яблоки, кефир, любимое мамино овсяное печенье. Только перед самой палатой слегка замедлила шаг и облизала пересохшие губы. На мгновение замерла, прежде чем нажать на холодную ручку двери.

Открыв дверь, натянула дежурную улыбку, выставила вперёд пакет — будто он мог защитить от всех невзгод — и произнесла два слова, которые никогда не хотела бы говорить в больничных стенах:

— Привет, мамулечка!

— Здравствуй, моя радость, — тихо, почти шёпотом, прозвучало в ответ.

Вера Михайловна провела здесь уже больше года: четыре бледно-зелёные стены, окно с облетевшим тополем и капельница, мерно отсчитывающая время. Она прошла все стадии принятия неизбежного, как в классическом учебнике по психологии. Но никто не предупреждал, что после стадии принятия наступает стадия пустоты.

Пустота заполняет не только тебя — она проникает во всё вокруг. Ты осознаёшь бессмысленность мира: шагов в коридоре, разговоров соседок по палате, завтрашнего утра. Она вползает в мозг, обволакивает каждую клетку, окутывает мысли густым туманом.

Но самое страшное — пустота проникает в сердце. И тогда ты перестаёшь чувствовать боль, страх, ужас перед приближающимся концом. А главное — ты перестаёшь чувствовать любовь.

Куда она уходит? Чья именно — твоя или твоих близких? — неважно. Потому что пустота поглощает всё, не оставляя даже памяти о том, что когда-то было иначе.

Вера Михайловна услышала, как открывается дверь, как дочь произносит те же слова, что и год назад, при первом визите. Тем же бодрым голосом, с той же натянутой улыбкой, которую мать узнавала, даже не поворачивая головы.

— Здравствуй, моя радость, — устало сказала она и медленно обернулась.

— Погода сегодня замечательная. Такое солнце — редкость в это время, — Катя поставила продукты на кровать и принялась суетливо выкладывать яблоки.

За это время она уже отработала все движения и даже выработала схему общения: сначала — о погоде, потом — о работе, парочка историй о коллегах, немного о своих делах. Но что-то приятное нужно оставить на конец, чтобы встреча не завершилась на грустной ноте.

Вопросы о самочувствии мамы были в середине, зажатые между пустыми разговорами, как горькая таблетка в хлебном мякише. При этом Катя старалась не смотреть на Веру Михайловну: на её истончившиеся запястья, на синеватые следы от уколов.

В этот раз мама согласилась прогуляться во дворе больницы. Катя обрадовалась — ей нравилось идти под руку с мамой, слушая её тихий голос. Под ногами шуршали листья, а мамина рука в шерстяной перчатке казалась почти невесомой.

— Чем занимаешься после работы? — спросила Вера Михайловна.

— Помнишь, я рассказывала тебе про того мужчину…

— Вадим, кажется?

— Да, именно он. Так вот, он не перезвонил после третьего свидания.

— Жаль…

— Нет, не жаль! — Катя даже не пыталась скрыть радость в голосе. Она рассмеялась слишком громко, и смех гулко отскочил от больничной стены.

Вера Михайловна лишь прищурилась, будто разглядывала дочь сквозь низкое осеннее солнце.

— И чем же он тебе так не угодил? — губы её искривила лёгкая насмешка, и на мгновение в её лице проступила прежняя мама.

— Ты понимаешь, он такой… — Катя пыталась подобрать правильные слова, теребя пуговицу на пальто.

— Какой? — безнадёжно спросила Вера Михайловна, понимая, что придётся услышать очередную придирку своей дочери.

— Он такой… волосатый! — наконец выдала Катя и сама смутилась.

Вера Михайловна обречённо кивнула. Да, подумала она, волосатость — это, конечно, проблема, особенно для мужчин. Почти неизлечимая.

В прошлом месяце за Катей ухаживал другой мужчина. Кажется, он работал в каком-то магазине электроники и дарил Кате то наушники, то зарядки, словно ухаживание было рекламной акцией. Так вот, у него, по мнению Кати, были очень узкие глаза. Нет-нет, тот мужчина не был ни китайцем, ни бурятом. Он был славянской внешности, светловолосый, вполне симпатичный. Но вот глаза… Кате они напоминали горизонтальную прорезь в автомате, куда надо вставлять монетку.

Они ещё около часа поболтали о недавно прочитанной книге и о прочих пустяках, сидя на скамейке под старым клёном.

Катя оставляла маму в приподнятом настроении: та даже порозовела и впервые за долгое время смеялась. Долгое и нежное объятие, запах маминых волос. Длинный больничный кори-

дор. Пару ступеней вниз с главного крыльца. И вот Катя снова осталась одна. Снова навалилась эта тяжесть пустоты и придавила плечи, будто мокрое пальто.

Работа в банке не приносила особого удовольствия, но и не мучила. Средняя зарплата и стандартные обязанности Катю вполне устраивали, как устраивает удобная, но давно надоевшая обувь. Следующим утром она, как обычно, зашла в служебную дверь банка, приложила пропуск и кивнула охраннику.

— Привет! — Катя чуть шире улыбнулась, когда в офис пришла Кристина, принеся с собой запах кофе и осенней улицы.

— Привет! — Кристина встряхнула рыжей копной волос и собрала их в небрежный пучок. — Сейчас такое расскажу!

В этот момент, словно почуяв назревающую сплетню, появился Сергей Петрович.

— Доброе утро, девочки, — произнёс он покровительственным тоном, поправляя галстук.

— Здравствуйте! — хором ответили «девочки», выпрямившись за столами.

— Как у вас дела?

— Всё хорошо. Данные собраны, отчёт будет завтра, — ответила Кристина.

— Точно, — подтвердила Катя, не отрывая глаз от монитора.

— Отлично, тогда не буду мешать, — сказал Сергей Петрович и благодушно удалился, оставив после себя шлейф терпкого одеколона.

Сергей Петрович не работал в общем кабинете. Несмотря на то, что его отдел состоял всего из двух сотрудниц — Кати и Кристины, — он имел отдельный кабинет, где, развалившись в удобном кресле, мог терпеливо ждать, пока его маленький отдел выполнит работу.

Официально их подразделение называлось «Отдел статистики и аналитики». Девушки составляли отчёты по запросам других отделов. Именно у них был доступ ко всем базам данных, и они могли в кратчайшие сроки выгрузить любую статистику. Сроки, впрочем, устанавливали они сами, так что времени на чай, кофе и даже обеденные прогулки всегда хватало.

Общий кабинет — огромный open space в духе американских фильмов — гудел без остановки, как гигантский улей. Перегородки хоть как-то изолировали, но не давали ощущения уединенности. Они лишь напоминали, что в любой момент кто-то может заглянуть через плечо.

До обеда успели разобраться с основной работой. Даже заглянувший Костик из какого-то там отдела не смог помешать. Катя старалась не смотреть на него. Еще при первой встрече она заметила отвратительный дефект - его уродливые большие пальцы на руках. Ногтевые пластины были неестественно короткими, отчего пальцы казались слишком широкими. Они искривились, шли волнами и заканчивались тонкой белой полоской ногтя, который никогда не был ровно подстрижен. Если закрыть глаза и тлько слушать, то можно потерпеть.

Костик болтал о каком-то фильме. По мере того как он углублялся в сюжет, Катя всё больше углублялась в свой отчёт. Этот фильм она не смотрела и не собиралась смотреть. Зато Кристина поддержала беседу, и вместо обычных трёх минут Костя простоял целых семь. Да, именно семь - как с гордостью сообщила Кристина. Она была помешана на времени. С этой небольшой странностью Катя давно смирилась, и её больше не удивляло и не раздражало, когда Кристина засекала минуты даже в очереди за кофе. О своей же странности Катя предпочитала молчать...

На обед они отправились с контейнерами в общую столовую. За столом болтали с парой коллег - ни о чём и ни о ком. Катя была рада, что сегодня никто не спросил о её маме. Все в офисе знали о ситуации, но старались обходить эту тему стороной. А может, просто забыли.

В первые недели почти каждый день, причём по нескольку раз, её расспрашивали, интересовались состоянием матери, выражали сочувствие. Но прошло уже полгода, и эта история перестала быть главной офисной новостью. Кажется, её место заняли то ли чей-то развод, то ли

завершение служебного романа. Катя вздохнула с облегчением, когда перестала быть объектом всеобщего внимания. Ей было комфортнее страдать тихо, в своём уголке.

Эти, казалось бы, пустые разговоры давали ей отвлечься от тяжёлых мыслей, а иногда даже находились поводы для улыбки. В офисе не было откровенно уродливых людей, но Катя всё равно старалась лишний раз не выходить за пределы своей перегородки.

После работы она зашла в булочную за любимым рыбным пирогом на ужин и взяла кофе, чтобы посидеть за столиком и полюбоваться вечерним городом в окне.

Кафе дышало теплом... За барной стойкой, пристроившись в углу, сидела Катя — пальцы обхватывали стаканчик, почти не тронутый, лишь для видимости, лишь чтобы дать ей повод остаться здесь. Взгляд её скользил по прохожим за стеклом, выхватывая лица, жесты, детали одежды... Голова была пуста, обычно это называют перезагрузкой или обнулением, как после хорошей пьянки.

Внезапно рядом раздался скрип — тягучий, нерешительный. Кто-то неуклюже опустился на соседний стул. Катя даже не повернулась — лишь отметила тяжелое дыхание, шарканье одежды, ощущение чужого присутствия, которое было так некстати.

— Решили отдохнуть после работы?

Голос прозвучал неожиданно близко, хрипловатый, с легкой гнусавостью. Катя мысленно вздохнула — опыт подсказывал, что обладатели таких голосов редко бывают приятны внешне.

— Всё-таки приятно иногда посидеть, отдохнуть… — продолжил незнакомец, и в его интонации было что-то неуклюжее, словно слова спотыкались на пути к губам, натыкаясь на невидимые преграды.

Катя уже начала поднимать презрительный взгляд на хозяина голоса, как её внимание зацепилось за его руки. Они лежали на столе — большие, но не грубые, с едва проступающими венами под кожей, придавая им мужественную рельефность, а ногти были аккуратно подстрижены, без следов работы «в грязи». Неожиданно красивые руки.

И тогда она подняла взгляд выше — и едва не поморщилась. Нос.

Широкий, слегка приплюснутый, придававший лицу простоватое, чуть деревенское выражение. Уродливый, портил всё.

— Меня Максим зовут, а вас?

— Катя, — ответила она автоматически и тут же опустила глаза снова, к его рукам. Гораздо приятнее.

— Вы часто здесь бываете?

— Нет, нечасто, — солгала она легко, даже не задумываясь.

Достаточно было одного преследователя в её жизни. «Сталкер», — мелькнуло в голове научное определение. Но Катя предпочитала другое слово — «помешательство».

Похож на начинающего пикапера - подумала Катя - хотя, может быть, просто решил познакомиться. Катя внимательно посмотрела на Максима. Она пыталась понять, что он хочет от неё.

«Мужчины могут быть хитрыми, — подумала она. — Они могут издалека подходить к женщине, как хищник к своей жертве».

Катя натянуто улыбнулась. Она хотела показать, что не против общения.

“Ну давай же, ты уже 10 минут тут болтаешь, чего ты хочешь” - думала Катя. Она затаилась, выжидала.

- Погода сегодня такая чудесная, может быть, прогуляемся? - завершил свой монолог Максим.

Ага - догадалась Катя - значит, всё-таки подкатывает, а не просто стрельнуть телефон для коллекции.

- Конечно, можем прогуляться, - ответила она, её улыбка стала более мягкой и расслабленной, а в глазах промелькнул маленький злобный огонёк.

Они вышли из кафе и направились прочь от шумного проспекта по небольшой и более-менее тихой улочке. Погода на улице начала немного портиться, солнце затягивало тучами, и поднялся прохладный ветер, который забирался под тонкие весенние куртки прохожих. Катя непринуждённо рассказывала про себя какую-то глупую историю, о том, как она перепутала автобусы и оказалась в этом районе. Она бросала взгляды на его руки, на его безупречные, по-мужски изящные руки. Максим же смотрел на неё фальшиво заинтересованными глазами и смеялся слишком громко над дурацкими историями.

Он слишком старается мне понравится - промелькнуло в голове у Кати - и это, конечно, хорошо, придётся назначить второе свидание, чтобы не здесь, не так близко к дому.

Катя уже всё решила она Определилась с местом, с мужчиной, и со временем.

- Сейчас уже так поздно А мне ещё добираться до дома - прервала свою историю Катя. - может быть продолжим наше общение завтра?

- Конечно - быстро ответил Максим и достал свой мобильник чтобы записать её номер телефона - продиктуешь мне свой телефон?

Катя впала в ступор. Слова Максима прозвучали как удар — неожиданный, резкий, от которого внутри всё сжалось в тугой комок. Он будет записывать её телефон. Её номер. Цифры, которые привяжут его к ней, которые останутся в его памяти, в его контактах, в его жизни. Этого точно ей не надо.

Она прекрасно знала, что зачастую все данные хранятся в аккаунте. Стоит ему записать номер — и он всплывёт в мессенджерах, в социальных сетях, в геолокации. Одно неосторожное движение, один звонок в неудачное время, и ниточка потянется дальше. Катя пока не решила, насколько сильно хочет рисковать. Внутри неё боролись два желания: уйти, просто развернуться и раствориться в вечернем городе, или остаться, позволить этому случиться, посмотреть, что будет дальше. Она не любила неопределённость. Но ещё больше не любила терять контроль.

Она сориентировалась мгновенно. Лицо осталось спокойным, уголки губ чуть приподняты — та самая вежливая улыбка, которая ничего не значит.

— Ты знаешь, у меня телефон сейчас в ремонте, — сказала она ровно, почти с сожалением. — А с собой только рабочий. Нам нельзя звонить по личным контактам с него.

Она соврала легко. Слишком легко. И отметила это про себя.

Максим внимательно смотрел на неё. В его взгляде не было подозрения — только растерянность, будто он готовился к одному разговору, а попал в другой. Видно, что это был неожиданный поворот для него. Он моргнул, чуть наклонил голову, как будто перебирал в уме варианты.

— Может быть, тогда что-нибудь придумаем? — сказал он медленно. — Может быть, я запишу свой номер телефона на листочке, а ты мне позвонишь?

Катя смотрела на него и чувствовала, как внутри нарастает странное раздражение. Не на него. На себя. За то, что она стоит здесь, на тёмной улице, и торгуется, как на рынке, за право не давать свой номер. За то, что приходится играть в эти игры.

— А может быть, назначим встречу завтра? — сказала она, и голос её стал мягче. — Раньше у людей не было телефонов, и они договаривались так. Знаешь, раньше назначали свидания — и не было возможности отменить его одним коротким сообщением в любой момент.

Она сказала это и сама удивилась, как это прозвучало. Почти искренне. Почти как приглашение. Максим смотрел на неё ещё секунду, потом медленно кивнул.

— Давай попробуем, — ответил он и убрал телефон в карман куртки. — Позволь мне хотя бы тебя проводить до автобуса.

— Да конечно, — ответила Катя.

Они пошли к остановке. Вечерний город шумел вокруг: проезжали машины, светили фары, где-то играла музыка из открытого окна. Пока шли, определились с местом и време-

нем встречи. Максим говорил спокойно, без нажима, и Катя ловила себя на том, что слушает его внимательнее, чем следовало бы. Он не пытался заполнить паузы болтовнёй. Просто шёл рядом.

Когда Катя села в автобус, она стала по-настоящему улыбаться. Не натянуто, не вежливо — по-настоящему. Улыбка шла откуда-то изнутри, из того места, где раньше была только пустота. Она посмотрела в окно, и в этот момент солнце показалось из-за серых туч, пробилось сквозь них и одобрительно подмигнуло. Катя отвернулась, чтобы никто не видел, как она улыбается. Но улыбка не уходила.

Глава 2 Утро. Убийство

Утро не задалось с самого начала. Проспала, пролила кофе, переоделась в неудобную юбку. Наверное, только у женщин есть избранные удобные вещи. Или нет, наоборот. Есть мерзкие, неудобные юбки, кофты, туфли, которые хранятся в шкафах, занимая место, на особый несчастный случай, когда утро не задалось.

Утро не задалось с самого начала. Катя проснулась от того, что телефон на тумбочке вибрировал, подползая к краю, и она, не открывая глаз, шарила рукой по простыне, пока не сбросила его на пол. Он замолчал. За окном было серо. Будильник показывал семь сорок. Она проспала на двадцать минут.

Потом был кофе. Она налила его в любимую кружку, повернулась к холодильнику, задела локтем край стола, и кружка поехала, опрокинулась, и тёмная жижа растеклась по светлой столешнице, капая на пол. Катя смотрела на это секунду, две. Потом выдохнула, вытерла, налила новую. И тут же поняла, что не успевает.

Она открыла шкаф и взяла то, что лежало в глубине, на самой верхней полке. Неудобную юбку. Узкую, с жёсткой молнией, которая цеплялась за ткань и впивалась в бок. Наверное, только у женщин есть избранные удобные вещи. Или нет, наоборот. Есть мерзкие, неудобные юбки, кофты, туфли, которые хранятся в шкафах, занимая место, на особый несчастный случай, когда утро не задалось. Сегодня был именно такой случай. Она натянула юбку, застегнула молнию, чувствуя, как та врезается в талию, и вышла из дома.

Катя бежала в здание банка, опаздывая уже на пять минут. Холодный воздух бил в лицо, сумка билась о бедро. Проведя пропуск на проходной, она уже понимала: её опоздание попадёт в месячный отчёт. Турникет пискнул, пропуская её, и этот писк прозвучал как приговор.

В банке всегда строго следили за сотрудниками. Служба безопасности проверяла не только их самих, но и родственников — по крайней мере, так говорили при приёме на работу. Катя помнила, как на собеседовании ей задавали вопросы про мать, про отца, про то, где они живут и чем занимаются. Тогда это казалось формальностью. Теперь она знала: здесь всё фиксировалось.

Помимо этого, составлялись месячные отчёты о посещении и присутствии на рабочем месте. Если ты не пользовался мышью больше десяти минут, система фиксировала это как отсутствие. Каждое движение, каждый клик, каждая пауза — всё записывалось в невидимую папку, которая потом ложилась на стол начальству. Ещё ни разу никому не устраивали разборов, но многих такая слежка напрягала. Кристина как-то сказала, что чувствует себя как в аквариуме — стекло со всех сторон, и любой прохожий может заглянуть и посмотреть, чем ты занимаешься.

Катя ко всему этому была равнодушна. Ну и что, пять минут опоздания? Вывесят её имя в списке на доске — и провисит оно там до следующего месяца. Пусть висит. Она не собиралась ни перед кем оправдываться. Когда она села на своё рабочее место, на неё многозначительно посмотрела Кристина. В её взгляде было что-то среднее между любопытством и сочувствием.

— Даже не спрашивай, — попыталась сделать непринуждённый вид Катя, хотя внутри всё сжалось в тугой комок. Она откинулась на спинку кресла, изображая расслабленность, которой не чувствовала. — Просто включила «Режим сурка».

— А я думала, ты всю ночь танцевала в клубе, зажигала на барной стойке и уехала оттуда на шикарном «Роллс-Ройсе» с белозубым брюнетом, — съюморила Кристина, и в её глазах заплясали рыжие бесенята. Она любила такие шутки — лёгкие, ни к чему не обязывающие, как мыльные пузыри.

Катя улыбнулась в ответ. Улыбка вышла кривой, но Кристина, кажется, не заметила. И тут — резко, как удар под дых — Катя вспомнила одну очень важную вещь. Ту самую, которую

должна была взять сегодня на встречу с тем прекрасным незнакомцем. Ту самую, без которой весь план рассыпался.

Она поставила её как раз на стол, когда собиралась утром, но из-за спешки, из-за пролитого кофе, из-за этой дурацкой юбки так и оставила там. На столе. В своей квартире. В другом конце города.

«Забыла» — пронеслось в голове, и это слово обожгло изнутри, как глоток кипятка.

Она резко потянулась к сумке, схватила её, открыла, хотя уже знала, что нужной вещи там нет. Пальцы лихорадочно шарили среди кошелька, ключей, косметички, каких-то чеков. Но вдруг... Может, всё-таки есть? Катя захлопнула сумку и снова распахнула её, словно надеясь, что содержимое волшебным образом изменилось. Оно не изменилось. Внутри было всё то же самое — и не было того, что нужно.

— Эй, с тобой всё в порядке? — спросила Кристина, наклоняясь к ней. В её голосе была искренняя тревога.

— Да, — поникшим голосом ответила Катя. Голос прозвучал глухо, как из-под воды.

Она сунула сумку в нижний ящик стола, задвинула его так резко, что он стукнулся о стенку. И попыталась сосредоточиться на работе. Цифры на мониторе расплывались, превращаясь в серые пятна. Никуда она сегодня не пойдёт. Будет сидеть дома, грызя себя за упущенный шанс. На своём потрёпанном диване, в старых трениках, с чашкой чая. Смотреть какой-нибудь бестолковый фильм по телевизору. А ведь он был почти в её руках... Сегодня он должен был оказаться в её власти. Она уже чувствовала, как это будет. Как тепло разольётся по телу, как внутри всё сожмётся и отпустит. Горечь подступила к самому горлу, едкая и невысказанная. Она сглотнула, но горечь осталась.

В этот момент за её спиной раздался противный, до боли знакомый голос. Он врезался в тишину отдела, как ржавый гвоздь в доску.

— Ай-ай-ай, кто-то опоздал!

Катя не обернулась. Не было нужды. Она и так знала, кому принадлежит этот голос. Костик. С его дурацкой манерой растягивать гласные, с его вечной ухмылкой, с его пальцами, которые она ненавидела больше всего на свете. Голос Костика только усилил злость, клокотавшую в ней, подлил масла в огонь, который и без того жёг изнутри.

— Ну что, Катенька, любишь поспать? — продолжал он, и в его интонации было столько самодовольства, что Катя почувствовала, как у неё сводит скулы.

Она представила.

Берёт со стола тяжёлый степлер. Металлический, холодный, тяжёлый. Замахивается и со всей силы бьёт им по его голове. Раз. Слышит хруст. Видит, как он падает на пол, неуклюже, как мешок с картошкой. Она садится сверху — коленями на его руки, чтобы не дёргался. И продолжает бить. Пока брызги крови из его тупой башки не разлетаются по стенам. По белым стенам офиса, по мониторам, по её лицу. Как он закатывает глаза, обмякает, как из него уходит это самодовольство, эта ухмылка, этот голос. Как она чувствует на губах жар, а во рту — металлический привкус крови. Что-то тёплое пробежало внизу живота и разлилось волнами до самых кончиков пальцев. Она уже видела, как алая кровь растекается по её белой блузке, впитывается в ткань, и... почти кончила.

— Катюш, чего зависла? — Голос Костика выдернул её из этого видения, грубо, как из тёплой ванны.

Катя сделала глубокий вдох. Выдох. Развернулась. И улыбнулась Косте.

— Так буду с тобой вместе висеть на пару, — сказала Катя, и улыбка на её лице была натянутой, как струна. Она чувствовала, как уголки губ дрожат от усилия, но держала её, потому что иначе — если бы улыбка сползла — Костя увидел бы то, что было спрятано. А увидеть это ему было нельзя.

— Это точно, — Костя не заметил натянутой улыбки Кати. Он вообще редко что-то замечал, кроме себя. Как ни в чём не бывало, он добавил: — В компании с такой девушкой я готов хоть целый год провисеть.

Он многозначительно ухмыльнулся — той самой ухмылкой, от которой у Кати сводило скулы. Поднял стакан с чаем, сделал глоток, и она увидела, как жидкость плещется у самых краёв, грозя вылиться. Не вылилась. Он ушёл, даже не попрощавшись. Просто развернулся и пошёл, оставив после себя запах дешёвого чая и что-то ещё, неуловимое, неприятное.

Катя и Кристина переглянулись. В глазах Кристины было что-то среднее между жалостью и презрением.

— Вот дурак, — прокомментировала Кристина, и в её голосе не было злости. Только усталость.

— Причём полный, — Катя немного расслабилась. Плечи опустились, улыбка сползла, и лицо стало обычным. Она повернулась к монитору. Цифры на экране ждали её, ровные, аккуратные, безразличные.

Впереди её ждал долгий рабочий день, наполненный рутинными обязанностями. Отчёты, выгрузки, таблицы. Она знала, что будет делать, и знала, что это не имеет значения. Но это было лучше, чем думать.

Вечером Катя стояла около киоска с дешёвым вонючим кофе, расположенного напротив служебного входа банка. Она держала в руках стаканчик, почти не тронутый, и смотрела на выходящих людей. Внимательно. Не пропуская ни одного. Мимо прошли двое мужчин в костюмах, женщина с сумкой, парень в наушниках. Не те. Не он. Она ждала. И ждала терпеливо.

Кирилла она заметила сразу. Он вышел из служебной двери и зашагал по улице, и его нельзя было не узнать. Долговязый, нескладный, с размашистой походкой — он шёл так, будто не совсем понимал, куда девать свои длинные руки и ноги. Направлялся домой. Именно шёл пешком — своего автомобиля у него не было, а жил он всего в получасе ходьбы от работы. Катя также знала, что он снимал маленькую убогую квартиру в обычной панельке. Жил там совершенно один. Приехал в город из не самого маленького городка, где были возможности и зарабатывать неплохо, и жить интересно. Но нет, он решил попробовать здесь.

Как же он много болтал во время их редких встреч в офисе! Рассказывал, что друзей у него немного, по выходным обычно слоняется по городу в одиночестве. Говорил это с такой гордостью, будто одиночество было его личным достижением. Будто он выбрал его сам, а не оно выбрало его. Да и какие друзья могут быть у такого придурка и ничтожества?

Мысли об этом вызвали у Кати сначала волну злости, а затем — презрения. Злость была горячей, быстрой, она прошла через тело и оставила после себя что-то тяжёлое. А презрение было холодным. Оно оседало на дне, как ил. Презрение к этому бессмысленно существующему человеку.

Мужчиной его и назвать-то было сложно.

Он шёл, переваливаясь, как пугало, только что снятое с огородной палки. Его тень на асфальте была длинной и нелепой, и он сам казался её продолжением. Иногда останавливался у витрин, и Кате каждый раз казалось, что вот-вот он обернётся и заметит её. Она старалась не привлекать внимания: замедляла шаг, опускала голову, прятала лицо в воротник. Сердце билось ровно, но в висках стучало. Не от страха. От чего-то другого.

И вот удача — это ничтожество зашло в бар. Вроде бы он когда-то упоминал о нём. В тех своих бесконечных монологах, которые она пропускала мимо ушей. А теперь вспомнила.

На улице стояла жара, и Катя понимала его желание выпить холодного пива. Но куда сильнее её занимало собственное желание. Оно было тягучим, тёплым, оно поднималось откуда-то из глубины и заполняло всё тело.

Она вошла в бар буквально через пять минут после того, как Кирилл скрылся за дверью. Тот сидел за стойкой, мотая головой по сторонам — так же, как делал это в офисе, когда искал очередную жертву для своего бесконечного монолога.

Кирилл был слишком общительным, но он всегда говорил в одну сторону. Как будто слова были для него не способом связи с кем-то, а способом заполнить тишину. В общении же должны участвовать двое, а потому окружающие считали его просто болтуном. Если он и приставал к кому-то, это воспринималось как лёгкая простуда — нужно немного потерпеть, и она пройдёт сама. Так люди и терпели. Пятиминутное вторжение в личное пространство, потом он уходил, и воздух становился чище.

Катя обошла его со спины и села за стойку, поэтому когда Кирилл в очередной раз повернул голову, его взгляд вклинился прямо в её профиль. Он замер, на мгновение застыв, затем моргнул. Пару раз. Как будто не верил своим глазам.

— Какие старые знакомые, — нелепо произнёс он. — Не ожидал тебя здесь встретить.

— О, привет, — ответила Катя, играя с краем платка. Она смотрела на него спокойно, чуть насмешливо. — Решила попробовать новые места.

— Прикольно. Никогда не видел тебя в платке раньше. — Он смотрел на платок, потом на её лицо, потом снова на платок.

Катя повязала платок ещё у кофейного киоска. Большие чёрные очки придавали ей вид голливудской дивы, скрывающейся от папарацци. Очки пришлось снять, но платок остался — он должен был отвлечь внимание от её лица. И отвлекал. Она видела, как взгляд Кирилла скользит по ткани, цепляется за узел, не идёт дальше.

— Смена образа, ты же знаешь, какие мы, женщины — непостоянные, — кокетливо заметила Катя. Она чуть наклонила голову, и платок скользнул по плечу.

— Это непостоянство... интригует, — Кирилл неосознанно выпрямил спину, грудь подав вперёд. Как будто хотел казаться больше, чем был.

«Как петух перед курицей», — подумала Катя, наблюдая его преображение.

— Решила скрасить вечер. Рутинные будни утомляют — хочется чего-то дикого, настоящего, — она прикусила губу, не отводя взгляда. Зубы оставили на нижней губе белую полоску, которая тут же налилась розовым. Она смотрела на него прямо, без тени смущения, и в её глазах было что-то, от чего у Кирилла пересохло во рту.

Такой откровенный флирт смутил Кирилла. Он не понимал, шутит она или готова вцепиться в него. Слова были как игра, но взгляд — нет. Взгляд был серьёзным, тяжёлым, как будто она уже всё решила. Но он уже хотел её. Хотел сорвать платок, размазать помаду по губам, грубо запустить пальцы под юбку, ощутить её тепло. Хотел почувствовать её под собой, услышать, как она стонет.

Мысленно он уже раздевал её — здесь, на барной стойке, или в грязной кабинке туалета. Какая игра ведётся, он не понимал, но был готов на всё. Он вообще не привык думать, когда хотел.

— Здесь вкусное пиво? — прервала его мысли Катя.

— Да, хорошо освежает в такую погоду, — он провёл пальцами по запотевшему бокалу. Стекло было холодным, влажным, и его пальцы оставили на нём следы. Пальцы стали влажными, а улыбка Кати — шире.

— Я не хочу пива. Я хочу утолить жажду, — её взгляд был прямым вызовом. Она смотрела на него и ждала.

Кирилл пошёл ва-банк. Он не умел иначе.

— Так может, утолишь жажду у меня?

— Пошли, — коротко бросила Катя, поднимаясь со стула. Она не стала ждать, не стала оглядываться. Просто встала и пошла к выходу.

Он швырнул на стойку пятисотку — купюра прилипла к мокрому от пива дереву — и, не сводя с неё глаз, последовал за ней.

— В какую сторону? — спросила Катя на улице. Ночной воздух ударил в лицо, прохладный после спёртого бара. Она стояла на тротуаре, чуть расставив ноги, и смотрела на него сверху вниз, как смотрят на что-то, что можно использовать.

— В какую? — переспросил Кирилл. Он всё ещё был там, в баре, в своих фантазиях, и до него не сразу дошёл смысл вопроса.

— Ну да. Где твоя квартира? — нажим в голосе. Она не спрашивала. Она требовала.

Он молча указал рукой. Вправо, за угол, в темноту. Катя зашагала первой. Кирилл — чуть сзади. Он смотрел на неё. На её плечи, на спину, на талию, на бёдра. Взгляд был липким, как его ладони. Он внимательно рассматривал её плечи и спину, потом перешёл на талию и ниже. Как будто оценивал товар.

Он представлял, как будет трахать эту упругую жопу. Как будет долбить её. И в конце она непременно сделает ему минет. Он уже чувствовал, как это будет. Её губы, её язык, её покорность.

Он не упустит ни шанса, ни Катю. Он сделает всё, чтобы не просто овладеть ею, как это делали благородные рыцари. Нет. Он трахнет её грубо и цинично.

Увлёкшись фантазиями, он почти пропустил поворот. Ноги несли его по знакомому маршруту, а голова была занята другим. Он уже видел, как войдёт в квартиру, как закроет дверь, как прижмёт её к стене.

— Нам сюда, — окликнул он, останавливаясь у подъезда.

Катя обернулась. Улыбнулась. И подошла так близко, что в отражении её очков он увидел собственные глаза — с расширенными зрачками, дыхание прерывистое. Он смотрел на себя в её очках и не узнавал.

— Тогда иди вперёд, веди меня, — прошептала она.

В этот момент Кирилл подумал, что стоит ему отвернуться — она исчезнет. Просто растворится в темноте, и он останется один, со своими фантазиями и пустой квартирой. Он схватил её за руку. Не за ладонь, как влюблённые парочки, а за запястье, чтобы она не смогла сбежать. Пальцы сжались на её коже, и он почувствовал, как под ней бьётся пульс. Частый. Ровный.

В лифте оказались лицом к лицу. Тесно. Его руки скользнули по её талии. Катя улыбнулась. Когда пальцы поползли вниз, лифт остановился. Она толкнула его в грудь, и улыбка стала шире.

Это была игра. Игра двух взрослых, жаждущих друг друга.

Катя была готова к импровизации, хотя раньше всегда тщательно готовилась, и никогда не было такой спонтанности. Она чувствовала, как внутри нарастает что-то тёмное, тяжёлое, приятное.

Когда они зашли в квартиру, взгляд Кати пробежался по полкам. Она отмечала всё: старые книги, пыльные безделушки, запах застоявшегося табака. А потом она увидела стул около дивана. Старый, ещё советский, с четырьмя ножками и спинкой. Дерево было тёмным, потёртым, но крепким.

Катя положила сумку на диван. Подошла к стулу. Он оказался достаточно крепким. Она поставила его посередине квартиры — небольшой комнаты со старой мебелью. Стул стоял, как трон в пустом зале.

— Давай сыграем в одну игру, — загадочно произнесла Катя, приближаясь к Кириллу. Её голос был мягким, почти нежным.

— Конечно, сыграем, — ответил он, и в его глазах блеснула похоть.

Она взглядом показала Кириллу, что ему нужно сесть на стул. Без слов. Просто посмотрела на стул, потом на него. Он подчинился. Опустился на твёрдое дерево, и стул скрипнул под его весом.

«Хороший мальчик», — подумала Катя. А вслух произнесла:

— Закрой глаза, у меня для тебя сюрприз. Голос был мягким, почти ласковым. Как у матери, которая обещает ребёнку конфету.

Кирилл закрыл глаза. На его лице была улыбка — предвкушающая, глупая. Катя расстегнула сумку и достала мебельные стяжки — толстые и прочные, белые, с тугим механизмом. Она погладила Кирилла по плечу. Медленно, почти нежно, спуская руку к его запястью. Он не сопротивлялся. Когда её пальцы коснулись его кожи, он вздрогнул — от удовольствия. Точным движением она застегнула первую стяжку. Пластик щёлкнул, и петля затянулась.

— Тебе понравится, — нежно шептала Катя. Она наклонилась к его уху, и её дыхание обдало его шею.

Кирилл улыбался, предвкушая удовольствие. Он не открывал глаз. Он думал, что это игра. Что она сейчас свяжет его, и будет что-то новое, острое, запретное.

Когда Катя зафиксировала руки и ноги Кирилла к стулу, она сделала шаг назад. Оценила свою работу. Как художник, который отходит от холста, чтобы увидеть целое. Стул, стяжки, его тело. Всё на своих местах.

— Не туго? — спросила Катя.

Кирилл открыл глаза. В их блеске Катя увидела похоть. Его рот был слегка приоткрыт, дышал он часто, а лицо приобрело дебеловатый вид. Как у человека, который уже мысленно там, где хотел бы быть.

— Сними блузку, — попросил Кирилл. Голос был хриплым.

— Конечно, — ответила Катя.

Её пальцы начали с верхней пуговки и спускались вниз. Одна. Вторая. Третья. Она быстро сняла блузку без всякой интриги. Просто стянула через голову и бросила на диван. Это немного расстроило Кирилла — он ждал медленного стриптиза, — но он смотрел на её налитые груди. Они были обтянуты тесным бюстгальтером и достойно украшали её фигуру.

Катя сняла и бюстгальтер. Бретельки скользнули по плечам, ткань упала на пол. Затем юбка — молния разошлась с тихим звуком, и юбка легла к её ногам. Колготки, трусы. Она всё это делала, не отводя взгляда от Кирилла. Смотрела, как его взгляд блуждает по её фигуре. Как он подаётся немного вперёд, желая притронуться к ней. Его руки дёрнулись, но стяжки не пустили. Он замер, и на его лице отразилось что-то среднее между разочарованием и ещё большим желанием.

— У меня для тебя ещё сюрприз, — сказала Катя и развернулась к своей сумке. Она стояла спиной к нему, и он видел её лопатки, её спину, изгиб талии.

— Сегодня поистине вечер сюрпризов, — сбивчивым дыханием ответил Кирилл. Его голос дрожал.

Пусть она с ним поиграет, подумал он. Может быть, ему тоже понравится. Но потом... потом он поиграет с ней. Кирилл представлял в голове, в каких позах он возьмёт её. Конечно, это не будет миссионерская поза — она только для женатиков. По-собачьи будет самое то. Возможно, она даже позволит взять её за волосы. И при этом она будет громко стонать. Не стонать — а даже кричать.

Пока он это представлял, Катя уже что-то достала из сумки и спрятала за спину. Она подошла к нему. Резко села на него. Он почувствовал жар от её промежности, и этот жар обжёг его через ткань брюк. Он склонился к её левому соску и начал облизывать его. Язык был шершавым, влажным.

Сидела она на нём крепко. По комплекции он был похож со спины на пацана, который недавно поступил в институт — узкие плечи, длинная шея, тонкие запястья. И поэтому Кате не составило труда сделать так, чтобы он не смог даже пошевелиться. Она придавила его своим весом, и стул под ними скрипнул, но выдержал.

— Закрой глаза, — шепнула Катя. Её губы почти касались его уха.

Он закрыл глаза и опрокинул голову назад. На лице его была блаженная улыбка. Он предвкушал наслаждение. Он думал, что сейчас будет что-то, о чём он потом будет рассказывать в баре, хвастаться перед другими мужчинами.

Кирилл услышал лёгкое шуршание. Полиэтилен. Он не придал этому значения. И через мгновение на его голову был надет плотный полиэтиленовый пакет. Он понял это только через пару вздохов. Воздух стал тёплым, влажным, спёртым. Пакет прилип к лицу, к носу, ко рту.

В это время Катя быстрым движением оттянула ручки пакета назад, перекрестила и вперёд. Перехватила поудобнее. Обхватила ногами ножки стула. Теперь она держала его крепко. Крепче, чем он мог себе представить.

Под синим целлофановым пакетом она увидела, как Кирилл открыл глаза и начал часто моргать. Ресницы скользили по полиэтилену. Он смотрел на неё через плёнку, и в его глазах было непонимание. Пока ещё непонимание.

— Катя, ты чего? — глухо просил Кирилл. Пакет изнутри запотел от его дыхания. На плёнке оседали капли.

Кирилл попытался дёрнуться. Стул не поддавался. Стяжки врезались в кожу, оставляя красные полосы. Он замотал головой, пытаясь сбросить целлофан, но Катя сильнее затянула ручки пакета. Кирилл стал задыхаться. Его охватила паника. Ему не только не хватало воздуха — его душила та, которую он сегодня планировал жёстко отыметь. Та, которую он считал добычей.

Она смотрела на него, не моргая. Смотрела, как он дёргается, всё туже и туже затягивая ручки пакета. Лицо Кирилла стало нечётким и размытым. Полиэтилен прилипал к коже, обрисовывая нос, рот, подбородок. Она видела очертания его глаз, видела боль и страх в них. Видела, как он беспомощно открывал рот, пытаясь впихнуть в себя хоть немного кислорода, которого уже не осталось. Пакет изнутри был мокрым от его дыхания, и на плёнке оседали крупные капли.

Катя продолжала держать ручки. Она начала тяжело дышать, как будто бы это не Кириллу, а ей не хватало воздуха. Грудная клетка поднималась и опускалась, и с каждым вдохом внизу живота разгоралось что-то тёмное, горячее. Она чувствовала, как её пальцы немеют от напряжения, но не отпускала.

Когда его тело слегка обмякло, но всё-таки в нём чувствовалось напряжение и слабое нежелание сдаваться, тяжело дыша, она прижалась к нему всем телом и застонала. Катя стонала так, как об этом мечтал Кирилл. Но он её уже не слышал. Его голова была запрокинута и всё так же в пакете. Его жизнь на этом закончилась.

Но вот Катя ещё не закончила с ним. Точнее, она ещё не кончила. Она спустилась на пол и раздвинула ноги. Её взгляд впивался в его тело, она чувствовала безграничную власть над ним. Власть над этим ничтожным существом и власть над всеми мужчинами. Одной рукой она гладила его ногу — холодную, неподвижную, — а второй — себя. Её стоны перешли в крики.

Когда всё закончилось, она встала. Ноги были ватными, тело — тяжёлым и пустым. Она подошла к нему. Катя приподняла его голову — тяжёлую, безвольную — и через пакет подарила ему страстный поцелуй в губы. Полиэтилен был холодным и липким от слюны и пота. Она чувствовала под ним его губы, уже не отвечавшие.

— Ты — никчёмное ничтожество, — прошептала она. Слова падали в тишину, и никто их не слышал.

Сборы были неспешными. Катя надела перчатки. Перерезала стяжки с рук и ног, аккуратно сняла их с его тела. Пластик оставлял на коже глубокие борозды. Она уронила стяжки на пол. Сняла пакет — целлофан отошёл от лица с тихим шорохом. Сняла с него всю одежду, сложила её в заранее приготовленный пакет. Тщательно протёрла все поверхности, к которым прикасалась. Она была довольна своей работой.

Когда она взяла ключи от квартиры, то в последний раз посмотрела на него. В её взгляде не было прежнего презрения. Осталась только благодарность за доставленное удовольствие. Она закрыла дверь.

Катя подошла к входной двери своего подъезда. Опустошённая. Дом впустил её в своё нутро. Поднимаясь на этаж, она не замечала вонючего запаха мусоропровода с примесью жареной картошки. Отдалённый крик с верхних этажей — ругань счастливой семейной пары — не смог пробраться к ней в мозг. После такого взрыва эмоций и страсти к ней пришло безмятежное равнодушие ко всему окружающему.

И только когда она открыла дверь своей квартиры и увидела забытый утром термос с чаем, она испытала лёгкую горечь досады. Образ того мужчины, с которым она не смогла встретиться, остался в её памяти. Лёгкая надежда, что Максим тоже не пришёл на встречу, конечно, оставалась.

Она взяла в руки термос с ещё тёплым чаем и вылила его в раковину. Тёмная жидкость исчезла в сливе.

— В следующий раз готовиться надо внимательнее, — сказала она себе.

Глава 3 Следующее дни

Утром она проснулась бодрая и полная сил, как после отпуска. Даже принцессы в сказках не просыпались в таком хорошем настроении, как она. Катя открыла глаза и почувствовала, что тело лёгкое, будто кто-то вынул из него свинец, который она носила с собой всю жизнь. Она потянулась в кровати, вытянув руки над головой, и мышцы отозвались приятной истомой, как будто каждая из них получила свою долю тепла. За окном было серо, моросил дождь, капли барабанили по подоконнику с тихим, убаюкивающим стуком, но это не имело значения. Внутри было тепло. Это тепло не зависело от погоды, от работы, от людей. Оно было только её.

Прошло пару дней с того прекрасного вечера, но до сих пор, когда Катя закрывала глаза, на лице её появлялась блаженная улыбка. Она вспоминала не подробности, не лицо Кирилла, не пакет, не его дёргающееся тело. Она вспоминала ощущение. То самое, когда внутри всё сжимается и отпускает, и ты чувствуешь, что ты — это ты, и никто другой. Это чувство было сильнее всего, что она испытывала раньше. Сильнее первого секса. Сильнее любого удовольствия, которое можно купить или получить от кого-то. Оно было её собственным. Она создала его сама, своими руками, и никто не мог у неё это отнять.

Она встала, налила кофе, села за стол. Термос стоял на прежнем месте, тёмный и молчаливый. Катя посмотрела на него и улыбнулась. Впервые за долгое время утро не казалось ей тяжёлым. Она не думала о том, что сегодня надо идти на работу. Она просто знала, что пойдёт, и это было нормально.

Уже на проходной банка она заметила нездоровую возню и сдавленный шёпот. Люди стояли кучками, наклонялись друг к другу, и их голоса были тише обычного. Катя прошла через турникет, и писк пропуска показался ей громче, чем обычно.

Когда она села на своё рабочее место, к ней подбежала Кристина со стаканчиком воды из кулера. По ней было видно, что она принесла очередную сплетню. Руки тряслись от волнения, и вода в стаканчике шла крупной рябью. Капли переливались через край и падали на пол, оставляя на линолеуме тёмные пятна. Кристина даже не замечала этого. Её рыжие волосы выбились из пучка, и прядь прилипла ко лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.